

ЛИТЕРАТУРА

*Всероссийская
олимпиада школьников*

11 класс

II (муниципальный) этап

2024

Уважаемые участники олимпиады! Вам предстоит выполнить предлагаемые задания. Время их выполнения – 6 академических часов (270 минут). Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание и критерии оценивания;
- обдумайте и четко сформулируйте стоящую перед вами задачу;
- не забывайте, что единственно верного пути выполнения как первого, так и второго задания нет – вам необходимо только проследить за тем, чтобы ваша работа соответствовала заданию и критериям, опираясь на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительной и аргументированной;
- после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.

Максимальная суммарная оценка – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1 (аналитическое). Целостный анализ поэтического или прозаического текста – по выбору участника олимпиады. (Установочные вопросы не требуют обязательного ответа. Выбор путей рассмотрения текста осуществляется участником олимпиады самостоятельно.)

Установочные вопросы

Поэтический текст:

- 1) Стихи о поэзии есть в творчестве многих поэтов. Почему эта тема для них столь важна? 2) Какой ответ на данный вопрос можно извлечь из стихотворения Н. Рубцова?
- 3) В чем своеобразие трактовки поэзии Рубцовым? Чему уподоблена поэзия в стихотворении?
- 4) Как развивается основная тема произведения от строфы к строфе?
- 5) Какими чертами наделен образ лирического героя в произведении?
- 6) Какие ценности имеют для лирического героя первостепенное значение.

Прозаический текст.

- 1) Как переданы в произведении дух времени (Гражданской войны) и «местный колорит» (особенности жизни и нравов казачества)?
- 2) Оправдан ли художественно выбор повествования от первого лица?
- 3) Какими принципами руководствуется в своих поступках Шибалок?
- 4) Заглавие рассказа прямо соотносится с ребенком героя. Есть ли у этого заглавия еще какие-нибудь образные смыслы?
- 5) Каким, по вашему мнению, должно быть воздействие рассказа на читателя?
- 6) Можно ли, судя по этому произведению, считать Шолохова мастером художественной прозы?

П О Э З И Я

Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе, —
Мелькнет порой лугами, ветряками —
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильнее влечет она к себе!

Мелькнет покоя сельского страница,
И вместе с чувством древности земли
Такая радость на душе струится,
Как будто вновь поет на поле жница,
И дни рекой зеркальной потекли...

Снега, снега... За линией железной
Укрomный, чистый вижу уголок.
Пусть век простит мне ропот бесполезный,
Но я молю, чтоб этот вид безвестный
Хотя б вокзальный дым не заволок!

Пусть шепчет бор, серебряно-янтарный,
Что это здесь при звоне бубенцов
Расцвел душою Пушкин легендарный,
И снова мир дивился благодарный:
Пришел отсюда сказочный Кольцов!

Железный путь зовет меня гудками,
И я бегу... Но мне не по себе,
Когда она за дымными веками
Избой в снегах, лугами, ветряками
Мелькнет порой, покорная судьбе...

1969 г.

ШИБАЛКОВО СЕМЯ

– Образованная ты женщина, очки носишь, а того не возьмешь в понятие... Куда я с ним денусь?..

Отряд наш стоит верстов сорок отсель, шел я пеши и его на руках нес. Видишь, кожа на ногах порепалась? Как ты есть заведывающая этого детского дома, то прими дитя! Местов, говоришь, нету? А мне куда его? В достаточности я с ним страданье перенес. Горюшка хлебнул выше горла... Ну, да, мой это сынишка, мое семя... Ему другой год, а матери не имеет. С маманькой его вовсе особенная история была. Что ж, я могу и рассказать. Позапрошлый год находился я в сотне особого назначения. В ту пору гоняли мы по верховым станицам Дона за бандой Игнатьева. Я в аккурат пулеметчиком был. Выступаем как-то из хутора, степь голая кругом, как плешина, и жарынь неподобная. Бугор перевалили, под гору в лесок зачали спускаться, я на тачанке передом. Глядь, а на пригорке в близости навроде как баба лежит. Тронул я коней, к ней правлюсь. Обыкновенно – баба, а лежит кверху мордой, и подол юбки выше головы задраты. Слез, вижу – живая, двошит... Воткнул ей в зубы шашку, разжал, воды из фляги плеснул, баба оживела навовсе. Тут подскакали казаки из сотни, допрашиваются у нее:

– Что ты собою за человек и почему в бессовестной видимости лежишь вблизи шляха?..

Она как заголосит по-мертвому, – насилу дознались, что банда из-под Астрахани взяла ее в подводы, а тут снасильничали и, как водится, кинули посередь путя... Говорю я станишникам:

– Братцы, дозвоьте мне ее на тачанку взять, как она пострадавши от банды.

Тут зашумела вся сотня:

– Бери ее, Шибалок, на тачанку! Бабы, они живущи, стервы, нехай трошки подправится, а там видно будет!

Что ж ты думаешь? Хоть и не обожаю я нюхать бабьи подолы, а жалость к ней поимел и взял ее на свой грех. Пожила, освоилась – то лохуны казакам выстирает, глядишь, латку на шаровары кому посодит, по бабьей части за сотней надглядала. А нам уж как будто и страотно бабу при сотне содержать. Сотенный матюкается:

– За хвост ее, курву, да под ветер спиной!

А я жалкую по ней до высшего и до большего степени. Зачал ей говорить:

– Метись отсель, Дарья, подобру-поздорову, а то присватается к тебе дурная пуля, посля плакаться будешь...

Она в слезы, в крик ударилась:

– Расстрельте меня на месте, любезные казачки, а не пойду от вас!

Вскорости убили у меня кучера, она и задает мне такую заковырину:

– Возьми меня в кучера? Я, дескать, с коньми могу не хуже иного прочего обходиться...

Даю ей вожжи.

– Ежели, – говорю, – в бою не вспоашишься в два счета тачанку задом обернуть – ложись посередь шляха и помирай, все одно запорю!

Всем служилым казакам на диво кучеровала. Даром что бабьего пола, а по конскому делу разбиралась хлеще иного казака. Бывало, на позиции так тачанку крутнет, ажник кони в дыбки становятся. Дальше – больше... Начали мы с ней путаться. Ну, как полагается, забрюхателя она. Мало ли от нашего брата бабья страдает. Этак месяцев восемь гоняли мы за бандой. Казаки в сотне ржут:

– Мотри, Шибалок, кучер твой с харча казенного какой гладкий стал, на козлах не умещается!

И вот выпала нам такая линия – патроны прикончились, а подвозу нет. Банда расположилась в одном конце хутора, мы в другом. В очень секретной тайне содержим от жителей, что патрон не имеем. Тут-то и получилась измена. Посередь ночи – я в заставе был – слышу: стоном гудет земля. Лавой идут по-за хутором и оцепить нас имеют в виду. Прут в наступ, явственно без всяких опасений, даже позволяют себе шуметь нам:

– Сдавайтесь, красные казачки, беспатронники! А то, братушки, нагоним вас на склизкое!..

Ну, и нагнали... Так накрутили нам хвосты, что довелось-таки мерять по бугру, чья коняка добрее. Поутру собрались верстах в пятнадцати от хутора, в лесу, и доброй половины своих недосчитались. Какие ушли, а остальных порубали. Ущемила меня тоска – житья нету, а тут Дарью хворь обротала. Вёрхи поскакалась ночью и вся собой сменилась, почернела. Гляжу, покрутилась с нами и пошла от становища в лес, в гущину. Я такое дело смекнул и за ней по следу. Забилась она в яры, в бурелом, вымоину нашла и, как волчиха, листьев-падалицы нагребла и легла спервоначалу вниз мордой, а посля на спину обернулась. Квохчет, счинается родить, я за кустом не ворохнусь сию, на нее скрозь ветки поглядываю... И вот она кряхтит-кряхтит, потом зачинает покрикивать, слезы у ней по щекам, а сама вся зеленью подернулась, глаза выпучила, тужится, ажник судорога ее выгинает. Не казачье это дело, а гляжу и вижу – не разродится баба, помрет... Выскочил я из-за куста, подбег к ней, смекаю, что надо мне ей помочь оказать. Нагнулся, рукава засучил, и такая меня оторопь взяла, потом весь взмок. Людей

доводилось убивать – не робел, а тут поди вот! Вожусь около нее, она перестала выть и такую мне запаливает хреновину:

– Знаешь, Яша, кто банде сообщил, что у нас патронов нет? – и глядит на меня сурьезно так.

– Кто? – спрашиваю у ней.

– Я.

– Что ты, дурная, собачьей бесилы обтрескалась? Не тот час, чтоб гутарить, молчи лежи!..

Она опять свое:

– Смертынька в головах у меня стоит, повинюсь перед тобой я, Яша... Не знаешь ты, какую змею под рубахой грел...

– Ну, винись, – говорю, – ляд с тобой!

Тут она и выложила. Рассказывает, а сама головою оземь бьется.

– Я, – говорит, – в банде своей охотой была и тягалась с ихним главачом Игнатьевым... Год назад послали они меня в вашу сотню, чтоб всякие сведения я им сообщала, а для видимости я и представилась снасилованной... Помираю, а то в дальнеющем я бы всю сотню перевела...

Сердце у меня тут прикипело в грудях, и не мог я стерпеть – вдарил ее сапогом и рот ей раскровянил. Но тут у ней схватки заново начались, и вижу я – промеж ног у нее образовалось дите... Мокрое лежит и верещит, как зайчонок на зубах у лисы... А Дарья уж и плачет и смеется, в ногах у меня полозит и все колени мои норовит обнять... Повернулся я и пошел от нее до сотни. Прихожу и говорю казакам – так и так...

Поднялась промеж них киповень. Спервоначалу хотели меня порубать, а посля и говорят мне:

– Ты примолвил ее, Шибалок, ты должен ее и прикончить, совсем с новорожденным отродьем, а нет – тебя на капусту посекем...

Стал я на колени и говорю:

– Братцы! Убью я ее не из страху, а по совести, за тех братьев-товарищев, какие

головы поклали через ее изменшество, но поймите вы сердце к дитю. В нем мы с ней половинные участники, мое это семя, и пущай живым оно остается. У вас жены и дети есть, а у меня, окромя его, никого не оказывается...

Просил сотню и землю целовал. Тут они поймали ко мне жалость и сказали:

– Ну, добре! Нехай твое семя растет, и нехай из него выходит такой же лихой пулеметчик, как и ты, Шибалок. А бабу прикончь!

Кинулся я к Дарье. Она сидит, оправилась и дитя на руках держит.

Я ей и говорю:

– Не дам я тебе дитя к грудям припущать. Коли родился он в горькую годину – пущай не знает материнного молока, а тебя, Дарья, должен я убить за то, что ты есть контра нашей советской власти. Становись к яру спиной!..

– Яша, а дите? Твоя плоть. Убьешь меня, и оно помрет без молока. Дозволь мне его выкормить, тогда убивай, я согласна...

– Нет, – говорю я ей, – сотня мне строгий наказ дала. Не могу я тебя в живых оставить, а за дитя не сумлевайся. Молоком кобыльим выкормлю, к смерти не допущу.

Отступил я два шага назад, винтовку снял, а она ноги мне обхватила и сапоги целует...

После этого иду обратно, не оглядываюсь, в руках дрожание, ноги подгибаются, и дите, склизкое, голое, из рук падает...

Дён через пять тем местом назад ехали. В лощине над лесом воронья туча... Хлебнул я горяшка с этим дитем.

– За ноги его да об колесо!.. Что ты с ним страдаешь, Шибалок? – говорили, бывало, казаки.

А мне жалко постреленка до крайности. Думаю: «Нехай растет, батьке вязы свернут – сын будет власть советскую оборонять. Все память по Якову Шибалку будет, не бурьяном помру, потомство оставлю...» Попервам, веришь, добрая гражданка, слезьми плакал с ним, даром что извеку допрежь слез не видал. В сотне кобыла ожеребилась, жеребенка мы пристрелили, ну, вот и пользовали его молоком. Не берет, бывало, соску, тоскует, потом свыкся, соску дудоллил не хуже, чем материну титьку иное дите.

Рубаху ему из своих исподников сшил. Сейчас он маленечко из ней вырос, ну, да ничего, обойдется...

Вот теперича ты и войди в понятие: куда мне с ним деваться? Мал дюже, говоришь? Он смышленный и жевки потребляет... Возьми его от лиха! Берешь?.. Вот спасибо, гражданка!.. А я, как толечко разобьем фоминовскую банду, надбегу его проведать.

Прощай, сынок, семя Шибалково!.. Раста... Ах, сукин сын! Ты за что же отца за бороду трепашь? Я ли тебя не пестал? Я ли с тобой не нянчился, а ты драку заводишь под конец? Ну, давай на расставанье в маковку тебя поцелую...

Не беспокойтесь, добрая гражданка, думаете – он кричать будет? Не-е-ет!.. Он у нас трошки из большевиков, кусаться – кусается, нечего греха таить, а слезу из него не вышибешь!..

1925

ПРИМЕЧАНИЯ.

Тачанка – легкая повозка с укрепленным на ее задке пулеметом.

Двошит – тяжело дышит.

Шлях – наезженная степная дорога.

Лохуны – лохмотья.

Лавой – казачьим строем к нападению охватом.

Яры – глубокие заросшие овраги.

Бесила – дурман-травы.

Вязы – шея.

Жевки – жеваный хлеб или другая твердая пища для ребенка.

ЗАДАНИЕ 2 (творческое).

Напишите эссе «Мой Пушкин».

У с т а н о в к и . В 2024 году исполнилось 225 лет со дня рождения А.С. Пушкина. Он для всех нас – общезначимая культурная величина. Но у каждого носителя русской культуры своя история общения с Пушкиным-писателем, Пушкиным-личностью, свой взгляд на сделанное им в литературе, свое отношение к событиям его жизни, к его произведениям и к персонажам этих произведений. Он – часть нашей духовной биографии, хотя что-то в нем может нас привлекать, а что-то не быть понятным и близким. Вот об этом, о ваших мыслях, переживаниях, о каких-то значимых для вас случаях, связанных с Пушкиным, и предлагается вам рассказать в своем эссе.

Примерный объем работы – 500-700 слов.